

Доктор Дэвид Шрайнер, «Размышления о лопате», сессия 1, «Подготавливаем почву»

© 2024 Дэвид Шрайнер и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид Б. Шрайнер в своем учении «Размышления о лопате». Это сеанс 1, подготовка почвы. Добро пожаловать на курс «Размышления о лопате».

Я назвал эту книгу «Размышления о лопате» в честь своей работы. Меня зовут профессор Шрайнер. Я доцент Библейской семинарии Уэсли в районе метро Джексон в Джексоне, штат Миссисипи.

Меня пригласили выступить с докладом о пересечении Ветхого Завета и археологии, эта тема меня очень, очень интересует. Я думаю, это очень, очень увлекательно. Как мы увидим в этой первой лекции, первой из четырех лекций, эти отношения, я думаю, страдают от некоторых недоразумений.

К счастью, за последние пару десятилетий мы начали улучшать эти отношения. Мы начинаем понимать эти отношения немного лучше. Я думаю, что это пойдет на пользу библеистике, потому что нам действительно нужно понять взаимосвязь между библеистическими исследованиями, в данном случае исследованиями Ветхого Завета.

Мы собираемся сосредоточиться на изучении Ветхого Завета больше, чем на чем-либо еще, но нам действительно необходимо понять взаимосвязь между археологией, изучением Библии и изучением Ветхого Завета. Если мы серьезно отнесемся к идее о том, что Бог использовал древний Израиль как канал, как механизм, как средство для столь значительной части Своего откровения человечеству, тогда нам нужно взглянуть на дисциплины, которые предназначены для раскрытия этих культур. Вот почему я считаю, что пересечение археологии и исследований Ветхого Завета с отрывом от библейских исследований абсолютно необходимо.

Как я уже сказал, нам предстоит пройти здесь четыре лекции. Мы собираемся двигаться довольно быстро. Я не смогу говорить обо всем, о чем хочу поговорить.

Мы увязли бы в деталях, но я собираюсь остановиться на основных моментах. Еще некоторые детали, которые мне, к сожалению, придется опустить, вы можете прочитать в моей книге «Размышления о лопате», опубликованной в 2019 году издательством Wipf & Stock. Вы можете найти его на Amazon или на сайте Wipf & Stock.

Это моя бесстыдная книжная вилка. Я собираюсь двигаться дальше, и у нас все хорошо. Подробностей гораздо больше, но я собираюсь быстро пробежаться по этим четырем лекциям.

Первый из них будет готовить почву. Я собираюсь предоставить некоторые вводные комментарии о природе археологии и дать нам некоторые рекомендации относительно того, что будет вести нас через последние три лекции. Во второй лекции мы углубимся.

Я не должен говорить глубоко. Мы собираемся погрузиться в Мари, древнее место, а затем погрузиться в эпос о Гильгамеше. Затем, в третьей лекции, мы поговорим о Тель-Дане и некоторых других вещах, а также рассмотрим израильскую историографию и интересные выводы, которые археология дала нам в этом отношении.

Затем, наконец, на четвертой лекции мы пойдем очень быстро, и я собираюсь остановиться на некоторых основных моментах и рассказать о некоторых действительно, очень важных открытиях, которые, я думаю, действительно подведут итоги и дадут нам хорошее понимание что это. Это дискуссия, в которой одни идеи противопоставляются другим идеям, и, надеюсь, к концу этой дискуссии моя цель состоит в том, чтобы к концу этих четырех лекций у вас было довольно хорошее рабочее понимание того, как изучаются археология и Ветхий Завет. взаимодействовать друг с другом и как это может повлиять на нашу интерпретацию, как мы можем обратиться к дисциплине археологии, чтобы придать Священному Писанию немного больше привлекательности, немного больше изящества, если хотите. Но я хочу начать сегодня утром, и я хочу начать здесь и сейчас, в этой первой лекции, с показательного эпизода.

И эта история, этот мой опыт, я думаю, действительно начинает привлекать внимание к некоторым вещам. Одно из занятий, которыми мы с женой занимаемся, — это обучение моей старшей дочери. На самом деле, я отец троих детей, и сейчас наша вторая дочь живет в том же месте, но мы учим двух наших старших дочерей в воскресной школе. И я немного параноик, признаю это; Я действительно внимательно отношусь к тому, чему учат учителя воскресной школы моей дочери, потому что это моя карьера.

Но в любом случае я принимаю в этом активное участие. И однажды я сидел в своей комнате, и в нашей церкви мы проводим что-то вроде центрального урока, где все собираются, все собираются в средней комнате, и мы проводим эту большую лекцию, не совсем лекцию. , но большой разговор, большой урок. А потом все разбиваются по оценкам, и там мы с женой служим.

Мы служим в период расставания. Итак, готовясь к этому периоду расставания, я слышу, как человек в центральной комнате, дающий большой урок, начинает

говорить об археологии. Естественно, мои уши наостряются, и тогда я слышу, как он говорит о таких именах, как Кэтлин Кеньон, Ами Мазар и Израэль Финкельштейн.

К этому моменту я действительно заинтригован, потому что, честно говоря, если вы не глубоко в этом разбираетесь, эти имена вы, вероятно, не узнаете. Итак, я прекращаю то, что делаю, и начинаю слушать. Я выхожу в комнату, стою сзади и начинаю, знаете ли, как бы подводить итоги сказанному, и это становится еще более изощренным.

Помните, это ученики первого, второго, третьего и четвертого классов. Я имею в виду, благослови его душу, это выше их понимания, но знаешь, он добивается этого, так что меня это устраивает. Но я слушаю, и он говорит об урбанизации и культурных переходах между периодом ранней бронзы и периодом средней бронзы.

Затем он говорит о культуре среднего бронзового века по отношению к патриархам. Затем он говорит о переходе позднего бронзового века в железный век и о том, как этот крах влияет на наше понимание железного века. И в этот момент я просто думаю: вау, это потрясающе.

Я не могу поверить, что этот парень действительно пытается это сделать. Но потом становится по-настоящему интересно, потому что он начинает действовать произвольно, и это лучшее слово, которое я могу использовать для описания того, что он делает, но он все портит, потому что применяет исследование Кэтлин Кеньон о раннем бронзовом веке, среднем бронзовом веке. переходы к периоду израильского заселения. Итак, он путает все даты и переносит крах эпохи позднего бронзового века в эпоху железного века и применяет это к периоду изгнания примерно через 700 лет.

А затем он рассказывает о рассуждениях Ами Мазара о периоде среднего бронзового века, который Ами Мазар связывает с патриархами. Он применяет это к эпохам Давида и Соломона. Итак, из всего вышесказанного я думаю, что из этого можно извлечь некоторые уроки.

Я имею в виду, мы шутим об этом в этом контексте, и это справедливо, но я должен поставить этому парню пятёрку за старания, ясно? Я должен отдать должное этому парню. Он очень увлечен своим делом, но все портит. И я благодарен, что это было так далеко от головы детей, что они не запутались.

Они не знают, что пропустили, но я был шокирован тем, что услышал. Но в любом случае, я думаю, из этого можно извлечь некоторые уроки. Во-первых, существует популярный интерес к археологии, когда дело доходит до изучения Ветхого Завета.

Я имею в виду, что вам на самом деле не нужно смотреть очень далеко. Вам не обязательно испытывать то, что испытал я, чтобы понять это. Все, что вам нужно сделать, это включить канал истории, канал открытий и канал обучения.

Вы можете включить телевизор и найти передачи о том, как археология связана с изучением Библии в различных формах. Это могли бы быть хорошие шоу, академически честные и интеллектуально сложные. А потом можно было бы пойти на другой конец спектра и поговорить о древних инопланетянах, пирамидах, Джорджио Цукалосе и обо всём таком.

Итак, существует целый спектр этого, но существует популярный интерес к археологии и к тому, как она помогает нам понимать Священные Писания, ясно? Этот опыт доказал это. Однако это также показало печальную сторону этой реальности. Это взаимосвязь; популярное представление о том, как сливаются эти две дисциплины, часто понимается неправильно.

И именно в тот момент, когда мы неправильно понимаем, как эти отношения взаимодействуют друг с другом, у нас начинаются проблемы. Эта последняя методологическая проблема была продемонстрирована на протяжении всей академической истории. И мы поговорим об этом здесь через несколько минут, но я имею в виду, что мы не можем прятать голову в песок и делать вид, будто этих трудностей и этих недоразумений не существует и не существовало, потому что на эту тему написано много литературы. Вопросом и темой непонимания между археологией и Ветхим Заветом нам и предстоит заняться.

И это требует правильного обсуждения этого взаимодействия. И именно для этого я здесь. Вот что я хочу оставить вам в конце этих четырех лекций.

Как мы понимаем связь между этими двумя дисциплинами? Как эти две дисциплины, и об этом я буду говорить, как могут сойтись друг с другом? Какова природа их сближения? Я говорю о взаимодействии. И когда мы поймем это взаимодействие, мы начнем понимать, как археология может помочь нам лучше понять Священное Писание, помочь нам дать нам другой уровень нашей интерпретации. И именно об этом будут эти четыре лекции.

Вот куда я иду. Я хочу взять этот эпизод и превратить его во что-то образовательное и ценное, что, надеюсь, поможет нам во многих отношениях в долгосрочной перспективе. Итак, теперь я хочу перейти к обсуждению природы археологии.

Я собираюсь пройти здесь немного длинный путь по этой первой лекции. Я хочу понять природу археологии как дисциплины. Я хочу начать понимать, как это пересекается с изучением Библии.

Но я хочу сделать это окольным путем, и, надеюсь, к концу лекции это обретет смысл. Но я хочу начать с чего-то, что называется острака. Острака — это большое причудливое слово, которое просто означает черепки с надписями на них, ясно? Это осколки глиняной посуды, которые использовались для письма, ясно? Вот с чего я хочу начать.

Теперь, когда вы идете по теллу и копаете в древнем Израиле, повсюду есть осколки керамики. Я имею в виду, на самом деле, вам даже не придется копать. Вы можете просто пройти по теллу и вытащить кусочки керамики, которые как бы всплыли на поверхность.

Вы можете просто, знаете ли, забрать их. Это как камни. Но черепки с надписями — нечто более редкое, и именно эти вещи становятся очень, очень важными и важными.

Итак, например, мы собираемся взглянуть на остракона по имени Мешад Хашевьягу Острака, хорошо? А это керамика. Это керамика, о которой идет довольно длинная юридическая беседа, и в ней рассказывается о том, как кто-то обратился с проблемой, если хотите, к местному судебному чиновнику. И он, по сути, говорит, что этот парень, на которого я работал, в конце дня не вернул мне мой плащ.

И что интересно в этом, так это то, что, я думаю, оно датировано примерно 7 веком. Я думаю, что это примерно 7 век. Итак, это прямо в середине Iron II, как раз во времена Иосии и тому подобное.

Это то время, о котором мы говорим. Что интересно в этом, так это то, что, кажется, это намек на какой-то конкретный юридический комментарий в Книге Исход, особенно о том, что если вы берете плащ у кого-то в качестве залога, и если он собирается работать на вас, вы должны отдать ему плащ обратно в конце дня. Возможно, это их единственный плащ.

Вы не можете просто взять то, что им нужно, чтобы доказать свою точку зрения. Итак, возможно ли, что этот остракон, этот глиняный черепок с надписями, а я через секунду покажу вам картинку, показывает нам, что библейское законодательство упорядочивает иудейское общество? Это вполне возможно. Это те вещи, которые потенциально могут стать очень важными и информативными.

У нас есть лахишские письма. Лахис — главный административный центр Иудеи во времена Железного II. Он был разграблен во время осады Сеннахирима в 701 г. до н.э.

Он был разграблен вавилонским царем Навуходоносором, когда он направлялся в Иерусалим. Таким образом, его разграбили дважды за период примерно 150, 130 лет или около того. Итак, это очень важный административный сайт.

Однако прямо перед разграблением Иерусалима, то есть во время осады Навуходоносора, не Сеннахирима, а во время разграбления Навуходоносором Лахиша и осады Иерусалима, находился тайник с письмами. А это военная переписка, ясно? Это взаимодействие и разговоры, которые люди в Лакхисе ведут с людьми в Иерусалиме в ответ на неизбежную осаду Навуходоносора. И они говорят о том, что сигнальных огней Азеки больше не видно, а это значит, что вавилоняне приближаются.

Они у нашего порога. Мы должны быть готовы. Итак, это интересный пример.

Итак, именно остраки дают нам интересный пример того, как они строили свою повседневную жизнь, как вели военные действия и как ежедневно взаимодействовали друг с другом. Опять же, это действительно очень интересные вещи, которые не обязательно напрямую пересекаются, но помогают нам понять, как культура работала в повседневной жизни. Итак, эта фотография, которая у меня есть, представляет собой рисунок надписи Мишад Хашав Яху, ясно? И вы можете увидеть надпись там.

Вы можете увидеть, как выглядело древнееврейское письмо. Это юридический спор, о котором я упоминал всего несколько минут назад, о том, как человек подал жалобу местному судебному чиновнику на то, что человек не вернул им пальто. Самарийская острака — еще один образец древних письмен древней остраки, которые очень и очень важны.

Они датируются чуть более ранним периодом, 8 веком, и были найдены в Самарии. Итак, это север. Это часть израильской культуры.

Это множество административных расписок, сделки с товарами, кто что покупает, сколько покупают, вино, зерно и так далее. Такие были найдены при раскопках Самарии в начале 20-х годов. Итак, они существуют уже некоторое время.

Но опять же, они дают нам представление о том, как израильская и иудейская культуры действуют в повседневной жизни. У нас также есть арадская острака. Арад — это место посреди богом забытой пустыни.

Честно говоря, это, вероятно, иудейская крепость, которая как бы охраняла юго-восточную окраину иудейской территории. И это в глуши, ребята. Постоянного источника воды поблизости нет.

Я, честно говоря, не знаю, как здесь жили люди. И есть несколько неприятных историй о том, как Город ранней бронзы собирал сточные воды в центре города. Я имею в виду, что в эпоху COVID-19 мы говорим о болезнях, микробах и всем таком.

Я не знаю, как люди в Араде жили там более трех недель. Я действительно не знаю. Но, судя по всему, они это сделали.

А в Араде была очень важная крепость железного века. И мы нашли много арадских остраков. Опять же переписка и повседневное общение с людьми есть.

И что интересно во всех этих вещах, так это то, как они анализируются. Мы смотрим на их содержание, но на самом деле оно разрабатывается, пока мы говорим, и в течение последних нескольких лет они подвергают эти системы письма воздействию довольно сложных компьютерных алгоритмов, интеллектуального замысла, самообучения. программы, чтобы определить, что мы можем, вы знаете, выяснить, что мы можем определить о людях, о людях, пишущих. Так, например, арадские остраки недавно подверглись очень интересному исследованию, и захотели узнать, сколько разных стилей почерка и сколько разных людей писали эти арадские остраки.

Совсем недавно они провели аналогичное исследование на самарийских остраках. И так, это очень, очень увлекательная вещь. Острака и глиняные черепки с надписями очень и очень важны.

Они не только дают нам содержание того, что они делали, но также помогают нам заполнить информацию о развитии их обществ. И так, еще раз, это то, о чем я говорю. Эти примеры, в частности Арадская острака и Самарийская острака, показывают нам диапазон выводов и сложность археологии как дисциплины.

Как я только что упомянул, археология – это больше, чем просто копание в грязи, ясно? Вплоть до того, что мы используем георадар, мы используем сложные компьютерные алгоритмы. Недавно недалеко от Ашкелона было обнаружено кладбище, около 200 тел. На самом деле это было найдено и раскопано за последние два года тамошних раскопок.

Но они подвергли скелеты ДНК-профилированию, чтобы попытаться внести некоторую ясность в извечный вопрос о том, откуда взялись филистимляне? Здесь действительно очень интересные вещи. И так, археология становится и будет очень, очень технологически развитой. Опять же, это часть природы дисциплины.

Что такое дисциплина? Что он пытается сделать? Как он пытается это сделать? И это поможет нам понять это пересечение. Итак, я собираюсь приступить к очень краткому описанию контуров этой дисциплины. Как развивалась эта дисциплина на протяжении всей истории? И есть много способов снять шкуру с этой кошки, понимаешь? Вы можете взять книгу Эрика Кляйна с кратким введением в библейскую археологию.

Он делает это одним способом. Каждый делает это так, как считает нужным. Я постараюсь объяснить вам это очень, очень просто и дам вам три этапа, хорошо? Первая фаза на самом деле называется началом освоения Палестины, ясно? Именно тогда все это только начинается, и, как вы увидите, это очень, очень методологически грубо.

Это прославленная охота за сокровищами. Это Индиана Джонс ищет затерянный ковчег, ясно? Это, по сути, и есть. Очевидно, исходя из того, что я только что сказал, это уже не так, но вот как все начинается, и с кого мы начнем? Честно говоря, вам нужно хотя бы взглянуть на парня по имени Наполеон Бонапарт, и если вы знаете свою мировую историю и западную цивилизацию, вы, вероятно, узнаете это имя не из-за его влияния на развитие археологии, а из-за его стремления к глобальное завоевание, ясно? Но в своих усилиях по обеспечению безопасности всего Средиземноморского бассейна, в своих усилиях по распространению французской культуры и Французского королевства Наполеон Бонапарт привел с собой команду ученых, и он, по сути, сказал: смотрите, как мы проходим через Египет, как мы проходим через Средиземноморский бассейн, я хочу, чтобы вы фотографировали.

Я, конечно, хочу, чтобы ты не фотографировал. У них этого не было. Я хочу, чтобы ты нарисовал картинки.

Я хочу, чтобы вы делали записи, и я хочу, чтобы вы все это документировали, и эй, что вы знаете? Вообще-то мы собираемся принести кое-что домой, ладно? Итак, это своего рода побочный продукт того, что делал Наполеон Бонапарт. Вот как мы получили Розеттский камень, ясно? А Розеттский камень сыграл решающую роль в расшифровке египетских иероглифов, верно? Потому что на этом камне было три языка, ясно? Мы могли бы прочитать один из них довольно хорошо. Мы смогли прочитать второй, но третий был египетскими иероглифами.

На тот момент никто не знал, как это читать, но парень по имени Шампийон или что-то в этом роде, я не очень хорошо говорю по-французски, ШАМПОЛЬОН, я думаю, так это пишется, это тот парень, которому в основном приписывают за перевод и расшифровку египетских иероглифов. И он ухватился за имя, имя собственное, чтобы начать свою расшифровку, а Наполеон Бонапарт и Розеттский камень были ключом ко всему этому, к расшифровке египетских

иероглифов. И это важно, потому что как только мы сможем читать египетские иероглифы, мы сможем пойти во все эти храмы за пределами Луксора, за пределами Таниса, и мы сможем начать читать все, что было написано на этих стенах.

И вуаля, дверь распахнулась в одну из величайших культур, которые когда-либо видел мир, возможно, в величайшую культуру, которую мир когда-либо видел. Следующий парень, о котором я хочу кратко поговорить, — это парень по имени сэр Эдвард Робинсон. Этот парень известен как отец библейской, а не библейской археологии или библейской географии.

И у него был приятель по имени Эли Смит, и эти два парня сели на верблюдов, верхом на лошадях и просто начали кататься по Сирии и Палестине. И они поговорили с местными бедуинами: эй, вон тот холм, как называется этот холм? И они получали имена от местных бедуинов, местные арабские имена, и начинали оглядываться назад в свой Ветхий Завет и пытались понять, ладно, как это звучит? И вот в чем величие этого человека. Он сделал это в середине 19-го века, и, честно говоря, он был во многом, он был прав по многим пунктам.

Он был проницателен и преуспел во многих предложенных им идентификациях. И вообще, вы говорите о людях; если вы поговорите с людьми, которые действительно специализируются на библейской географии, они все равно скажут вам, что до сих пор используют работу этого человека, опубликованную в 19 веке, ясно? Вот насколько гениальным был этот парень. Его работа, спустя сотни лет, более 100 лет спустя, 150 лет или около того, все еще выдерживает испытание временем.

Итак, это Эдвард Робинсон. Он был очень, очень, очень, очень важным человеком на этом начальном этапе. И как только Эдвард Робинсон начал идентифицировать эти теллы, как только он начал говорить, что это, вероятно, это, вероятно, это Лахиш, это, вероятно, Самария, тогда внезапно возникло развитие всех этих палестинских исследовательских обществ, которые похожи на: о, мы знаем, где Лахиш.

Мы знаем, насколько важен Лахиш. Пойдем туда и покопаем. Возможно, нам удастся найти какое-нибудь зарытое сокровище.

Это открыло людям возможность начать финансировать экспедиции. Итак, все эти экспедиции, по сути, имели одинаковые цели. Найди как можно больше вещей, принеси их обратно, мы наполним наши музеи, и мы все станем богатыми и знаменитыми.

По сути, это было, опять же, очень, очень грубо. Они искали самую большую находку, как я уже говорил, «Индиана Джонс», «Потерянный ковчег» Реддера, где Ковчег Завета? Пойдем искать. И вот что-то вроде того, что они делали.

Но мы должны поблагодарить за это Эдварда Робинсона, потому что именно он дал нам направление развития всех этих обществ, ясно? Теперь на втором этапе начинается подъем систематической археологии. Мы не добьемся этого, но именно на этом этапе, в начале 1900-х годов, мы начинаем говорить о вещах с немного большей методологической точностью. Мы не просто роём ямы и насыпи, роём траншеи, не особо заботясь о маленьких глиняных табличках, на которых могут быть или не быть надписи.

На начальном этапе их это не волновало. Это типа: ладно, покажи мне херувима, а где большой бык? Давайте выкопаем большую статую. Такие вещи.

Это то, что они искали. На втором этапе все начинает меняться, ясно? И мы должны поблагодарить парня по имени сэра Флиндерс Петри. Странная утка был этот парень.

Он был немного странным. Я думаю, что истории об этом парне носили платья на улицах, просто чтобы отпугнуть местных жителей, потому что он не хотел, чтобы его преследовали. Но этот парень добился успеха в египтологии, раскапывая огромные тела и такие огромные памятники, как Танис в Египте.

Но он начал уточнять сериализацию или хронологию гончарного дела. И когда он приехал в место под названием Телль-эль-Хесси, именно там он действительно начал применять это на практике. И мы можем поблагодарить сэра Флиндерса Петри за две вещи.

Понятно, что они рассказывают, что они похожи на мусорные кучи, но когда начинаешь в них копаться, это слой за слоем древние города. Признаем, что телл был очень важным элементом в попытке расшифровать модели древних поселений, хорошо? Люди жили в городах. Да, сельского населения было много, но больше всего следов, больше всего материальной культуры осталось в теллях, потому что это были места расположения городов и теллов.

Как только вы основали город, вам потребовалось немало усилий, чтобы покинуть это место. Итак, когда ваш город был разрушен, вы просто построили еще один прямо на его вершине. А когда тот был разрушен или уничтожен землетрясением или военным завоеванием, вы просто выравняете все и строите другой.

Итак, эти рассказы были буквально похожи на слои торта или семислойное желе, как вам больше нравится, профессиональную историю городского объекта. Флиндерс Петри это понимал. А затем, используя свою хронологию гончарных изделий, он начал разрабатывать способы датировки их и говорить о хронологической последовательности каждой из этих фаз заселения, каждого из этих слоев внутри телла.

Вот чем известен сэр Флиндерс Петри, ясно? Этот парень в момент своей смерти решил, что знаете что, я выйду на ура и посвящу науке свое тело, но только голову. Итак, после смерти этому парню фактически обезглавили голову. Его отправили в Англию, потому что он хотел, чтобы его мозг был изучен наукой.

К сожалению, этикетка потерялась, и его голова годами простояла в банке в каком-то подвале. Короче говоря, они опознали его голову. Его тело на самом деле неподвижно. Я верю, что его тело на самом деле похоронено за пределами старого города Иерусалима, на территории кампуса JUS.

Я думаю, я почти уверен, что его тело, без головы, его голова находится именно там, в подвале какого-то музея в Британии. Итак, они знают, где сейчас его голова, они ее опознали, но да, странный чувак, странный чувак, видимо, очень высокого мнения о себе, но он был очень, очень важным. Опять же, понимая суть, гончарная хронология.

Уильям Ф. Олбрайт – еще один парень, и есть много парней, которых я мог бы остановить, много людей, мужчин и женщин, которых я мог бы остановить и о которых я мог бы поговорить, но у нас просто нет времени. Но Уильям Ф. Олбрайт, Уильям Фоксвелл Олбрайт, является еще одной крупной фигурой в развитии систематической, методологически обоснованной дисциплины археологии. Этот парень был великолепен.

Он был богословом, он был христианином, он любил Библию и думал, что его цель — доказать Библию. И все, что он делал как археолог, всегда восходило к Библии. Как это далее объясняет Библию? И это замечательное занятие.

К сожалению, это также стало причиной столь значительной его критики. Но Уильям Ф. Олбрайт в основном известен тем, что он был человеком, который разработал модель завоевания. Как Израиль поселился на этой земле? Модель завоевания.

Военное движение типа блицкрига. Джошуа, Книга Иисуса Навина. Уильям Ф. Олбрайт – это человек, который впервые всерьез сформулировал эту модель урегулирования.

И у него были очень, очень, очень, очень, я имею в виду Фрэнка Мура Кросса, Джона Брайта, я имею в виду, по сути, вы называете это, кто есть кто из известных ученых-библистов 1970-х и 80-х годов, честно говоря, в какой-то момент, все они восходят к нему, были ли они прямо или косвенно, многие, многие из его учеников. Итак, этот парень был гигантом, особенно в американской археологии. И если вы откроете исторический труд по истории американской археологии, библейской археологии, вы найдете массу информации, посвященной этому парню.

Очень, очень важно. Но опять же, его модель завоевания также вызвала много критики, особенно ближе к концу его карьеры. И, что довольно интересно, некоторые из его крупнейших учеников, Джон Брайт, даже он, как бы начали отходить от первоначальной формулировки модели завоевания, как только в последующие годы после того, как он представил эту модель, были обнаружены еще некоторые археологические свидетельства. теория изначально.

И вот его снова критиковали, критикуют до сих пор. И с одной стороны, мы превозносим Уильяма Ф. Олбрайта как великого археолога, исследователя Библии, вы знаете, это тот парень, на которого вы хотите быть похожим. Но с другой стороны, мы также как бы злодеем его как методологически наивного человека.

И я думаю, что это немного несправедливо. Уильям Девер действительно подверг Олбрайт критике. Мне очень нравится Уильям Дивер; мы поговорим об этом здесь через секунду.

Но я думаю, что он действительно слишком сильно преследует Олбрайт. Но он интересный парень, очень, очень важный. Игаль Ядин был израильским археологом, ставшим военным; он был военным.

И когда он ушел из армии, он подумал: да, давайте покопаемся. Но Игаль Ядин известен своими раскопками в Мегиддо, раскопками в Масаде и созданием так называемого следа Соломона. Таким образом, такие места, как Мегиддо, Асор и определенные городские центры Гезер, конкретные городские центры, о которых говорится в 3-й книге Царств, глава 9, связаны со строительными кампаниями Соломона.

То, что Игаль Ядин обнаружил на этих местах, было, о боже мой, огромным сходством в археологических раскопках города, в том, как они строили свои системы ворот, в том, как они строили свои стены. И, основываясь на том, что сказано в 3 Царств 9, Игаль Ядин сказал, что это след Соломона, именно так Соломон укрепил свои основные городские центры, и это то, чем славится Игаль Ядин. Опять же, намного опередив свое время, имея огромное количество

последователей, таких как Уильям Олбрайт, Игаль Ядин оказал влияние на целое поколение израильских археологов, и он очень, очень важен.

Затем у нас есть дама Кэтлин Кеньон. Кэтлин Кеньон была великолепна, она была обеспокоена и, кажется, по сей день продолжает вызывать критику. Я имею в виду, что Брайант Вудс до сих пор превосходит Кэтлин Кеньон своими данными, хотя ее уже давно нет, поэтому Кэтлин Кеньон все еще является магнитом для критики.

Но она сыграла очень важную роль в разработке особой системы раскопок. Она сыграла очень важную роль в разговорах об Иерихоне, даже во время раскопок Иерусалима. В некотором смысле она придерживалась противоположной точки зрения.

Все говорили о модели завоевания с Уильямом Олбрайтом, говорит Кэтлин Кеньон. На самом деле я не думаю, что Иерихон был вообще заселен в тот период времени, так как же вообще может быть модель завоевания? Именно этим занималась Кэтлин Кеньон. Но она очень, очень важна, и, опять же, вероятно, самым важным элементом ее наследия было ее участие в Методологической революции. Итак, это второй этап.

Опять же, у вас есть эти гиганты в этой области, и они начинают совершенствовать археологию как систематическую дисциплину. Это подводит нас к третьему и последнему этапу — сегодняшней археологии. Сегодняшняя археология собирается осуществить методологический пересмотр, методологический прогресс, который был установлен на втором этапе, и мы собираемся просто расширить траекторию.

И мы начнем обсуждение археологии третьего этапа, сегодняшней археологии, с методов раскопок. Сегодня археологи очень сосредоточены на том, как вы копаете, а не на том, где вы копаете. Это тоже важно, но они очень, очень внимательно относятся к тому, как вы копаете.

Какой у вас метод? Как вы документируете эту находку? Это было обнаружено на месте? Каков его археологический контекст? Как копать? И фундаментально с этим связано то, как вы копаете, по сути, вы знаете, это, по общему признанию, чрезмерное упрощение, но мы должны поговорить о методе Кеньона-Уиллера и методе Рейснера-Фишера, хорошо? И я поговорю об этом здесь всего на секунду. Кеньон-Уилер, Кеньон, Кэтлин Кеньон, о которой я только что упомянул, которую я только что упомянул, она разработала свой метод раскопок в Британии, ясно? Кэтлин Кеньон была британкой. Свою карьеру археолога она начала в Великобритании у человека по имени Уилер, своего профессора; Я думаю, это был ее профессор, но в любом случае это был парень по имени Уилер.

Они разработали так называемый метод Кеньона-Уиллера, и вместо того, чтобы раскрыть как можно больше информации, мы собираемся закопать квадраты размером пять на пять футов и спуститься настолько глубоко, насколько это возможно. Почему? Потому что мы можем контролировать стратиграфию. Мы можем контролировать данные, если будем копать небольшими частями, ясно? Чем дальше мы расширяемся, тем меньше у нас контроля над данными, тем меньше у нас контроля над риском воздействия и так далее, ясно? Мы хотим знать как можно больше об истории оккупации этих мест: кто жил, когда, как долго и так далее, когда происходили определенные этапы оккупации.

По мнению Кеньона-Уиллера, лучший способ сделать это — закопать квадраты размером пять на пять футов, а затем, в конце дня, вы смотрите вверх и смотрите на массивную стену со всей ее полнотой. Слои тут же, как слоеный пирог, а потом начинаешь интерпретировать то, что видишь, ладно? Вот как Кеньон раскопал Иерихон. Вот как она копала в Иерусалиме и других местах. Это несколько противоречит методу Рейснера-Фишера.

Метод Рейснера-Фишера, который по иронии судьбы использовался в Самарии, а Кеньон работал в Самарии, использовался и в Самарии, и это касается крупномасштабного воздействия. Таким образом, вместо очень контролируемых небольших участков вы можете увидеть там обвал. Если мы копаем только квадраты размером пять на пять футов, что произойдет, если мы пропустим что-то всего в футах от него? Итак, Рейснер и Фишер сказали: давайте просто раскроем все, что сможем.

Итак, здесь вы можете увидеть плюсы и минусы. Однако при крупномасштабном воздействии мы теряем контроль над данными. Отличный контроль над данными в квадратах размером пять на пять футов, но что произойдет, если что-то окажется там? Интересно, что сегодня многие археологи будут использовать своего рода гибрид.

Они по-прежнему хотят контролировать данные. Они по-прежнему хотят контролировать стратиграфию, но не хотят упускать из виду это крупномасштабное обнажение. Вот пример.

Итак, когда я копал в Тель-Рехове в 2008 году, годом ранее, да, годом ранее, они нашли пасеку, улей, промышленную ульевую установку. По сути, они копали квадраты размером пять на пять футов, и один из этих квадратов упал прямо вниз и ударился о древний улей, ясно? И они посмотрели на улей, узнали, что это такое, и подумали, знаете что, наверное, есть еще. Итак, в этот момент директор раскопок принял исполнительное решение.

Он говорит, знаете что, мы собираемся отказаться от этого метода пять футов на пять футов и перейдем к крупномасштабному разоблачению. Мы хотим увидеть, насколько велика была эта установка на самом деле. К тому времени, когда я приехал туда в 2008 году, я увидел квадраты размером пять на пять футов, но если я повернул свое тело на 45 градусов и посмотрел сюда, я увидел полную экспозицию промышленного улья.

Было 10 ульев. Итак, это пример использования гибридной модели, и решение о том, чтобы отказаться от одной в пользу другой, очевидно, является обязанностью директора раскопок. Но археология сегодня очень специализирована и очень междисциплинарна.

Итак, если вы пойдете сегодня на раскопки, вы найдете геологов, вы найдете палеографов, людей, которые изучают, извините, эпиграфистов, вы найдете людей, которые изучают кости, людей, которые изучают письменность, люди, изучающие камни, в дополнение к археологам с классической подготовкой. Вы собираетесь, вы собираетесь, вы даже можете найти экспертов по генетике, в зависимости от того, какие именно ДНК они делают. Итак, вы услышите много разных голосов, и опять же, директор раскопок должен быть своего рода лидером и привлекать всеобщее внимание, следить за тем, чтобы идеи каждого правильно направлялись и обсуждались, и т. д.

Во многих отношениях это захватывающе, но во многих отношениях это может быть своего рода пожаром в мусорном баке, если там нет хорошего директора раскопок. Кроме того, часть сегодняшней археологии – это влияние так называемой новой археологии, а новая археология была своего рода методологической революцией, произошедшей в 70-х и 80-х годах. Сейчас это подвергается критике, но что нельзя критиковать, так это последствия того, что произошло с новой археологией, поскольку археология, по сути, стала антропологической дисциплиной.

Во многих университетах, во многих учреждениях в Школе антропологии будут факультеты археологии. Это очень важно. Его больше нет в Школе теологии, которая изначально, эти исследования, эти первоначальные набег, в конце 1800-х, начале и середине 1900-х годов, все финансировались богословскими учреждениями.

Это уже не так. Археология рассматривается и понимается больше как антропологическая дисциплина, чем что-либо еще. Итак, это три фазы, хорошо.

Опять же, первоначальные исследования, первоначальные исследования, растущая методологическая точность, и сегодняшняя археология очень сложна, очень междисциплинарна, очень добросовестна и очень методологически добросовестна. Итак, что все это значит? Вернемся к вопросу. Я говорил вам, что

собираюсь пойти окольным путем, но думаю, что нам важно понять контуры дисциплины и некоторые элементы дисциплины, чтобы понять этот вопрос.

Служит ли археология изучению Библии, ясно? Нет. Таким образом, если больше не понимать, что оно служит библейским исследованиям, то оно больше не считается разновидностью библейских исследований. Как мы определяем археологию и какое значение это имеет для того, как эти две дисциплины соотносятся друг с другом? Ну, археологию проще всего можно определить как изучение вещей с целью понять конкретную культуру или конкретное место.

Очень просто, потому что археология – это поиск вещей. Речь идет о поиске вещей, которые люди используют ежедневно. Это поиск материальной культуры, поиск домов, поиск горшков, поиск гирь для ткацких станков, поиск костей животных, поиск мест поклонения и т. д.

Это поиск вещей. Итак, археология — это изучение вещей с целью понять конкретную культуру или понять конкретное место. Вот как я обобщаю, и я знаю, что это грубо, и если есть какие-либо обученные археологи, они, вероятно, скажут: да, с этим можно быть более изощренным, и существует бесчисленное множество определений, где это более изощренно, но для наших целей и целей этой лекции мы можем определить археологию как изучение вещей с целью понять конкретную культуру или конкретное место.

Но если археология — это изучение вещей, то как называется термин «библейская археология»? Что это значит? Библейская археология — это термин, который затерялся в грязи по разным причинам. Возвращаясь к Уильяму Ф. Олбрайту, Уильям Ф. Олбрайт называл себя библейским археологом, но его критиковали за то, что его археологические исследования были слишком апологетическими и слишком теологическими. О, Олбрайт, он просто там снова занимается доказательством Библии.

Итак, библейский археолог, термин «библейская археология», или, если вы называете себя библейским археологом, скажем так. Сегодня, если я на конференции и кто-то хочет оскорбить кого-то, мы делаем это очень изощренными способами: кто-то назовет кого-то библейским археологом. О, нет, я не такой.

Не называй меня так. Итак, это имя несет в себе определенный багаж. Тем не менее, я думаю, что мы все еще можем использовать его, если хотим хотя бы дать о нем представление, хорошо? Потому что археологические исследования действительно дают информацию для библейских исследований.

Это действительно влияет на наше понимание древней израильской культуры, и чем больше мы понимаем древнюю израильскую культуру, тем больше мы сможем понять, почему библейский автор сказал это? Почему библейский писатель поступил именно так? Итак, археологию, имеющую отношение к Библии, можно назвать библейской археологией, и я думаю, что это определение, которого мы все еще можем придерживаться. Речь идет не о том, чтобы доказать или опровергнуть Библию, ясно? Речь идет об археологии, которая прямо или косвенно влияет на наше понимание Библии, и именно этому будут посвящены некоторые из наших последующих лекций. Как выглядит прямое влияние? Как выглядит косвенное влияние? И именно здесь я собираюсь применить идею широкого и узкого сближения.

Итак, на следующих лекциях мы будем говорить об определенных широких и узких сближениях, хорошо? Широкие совпадения — это более косвенное применение археологических исследований к Библии. Узкие точки соприкосновения будут обсуждать эти прямые точки соприкосновения, хорошо? В этом и будет разница, и археология делает это. Итак, я думаю, что термин «библейская археология» все еще можно спасти, если мы готовы использовать его правильно.

Итак, в остальных этих исследованиях, как я уже упоминал, в остальных лекциях мы собираемся прославлять вечную и неоспоримую связь между археологией и библейскими исследованиями, особенно исследованиями Ветхого Завета. Именно об этом и будут эти лекции. Я собираюсь провести вас через это взаимодействие и показать, как это выглядит, хорошо? Итак, я буду говорить о разных артефактах, хорошо? Я собираюсь рассказать об истории этого артефакта.

Как они были найдены? Кто это нашел? Какова была дискуссия по этому поводу? И некоторые дискуссии будут очень, очень активными, но я также собираюсь намеренно попытаться поговорить о последствиях этих открытий. Что они означают для нашего понимания Писания, нашего понимания Библии? Это будет критическая точка. В ходе этой дискуссии, обсуждения последствий, именно здесь мы собираемся сосредоточить внимание на этой идее.

Итак, это широкое сближение или узкое сближение? И если это широкое сближение, что это значит, если это узкое сближение, что это значит? Итак, находок, о которых я буду говорить, их будет определенное количество, но я выбирал эти находки по нескольким критериям. Одним из них будет волновой эффект. Произошло ли это, вызвало ли это достаточно большой волновой эффект? Как говорится, сдвинуло иглу? Я собираюсь выбрать некоторые находки, которые, по моему мнению, произвели довольно значительный волновой эффект.

Итак, это будет один критерий. Вызвал ли это широкий интерес? То есть, могли ли люди, которые не обязательно были археологами, до этого момента даже не интересоваться библейскими исследованиями, но читали ли они об этом? Заинтересовались ли они этим разговором по X причинам? Это был еще один критерий. И потом, каково было его влияние? Оказало ли это существенное влияние на то, как мы что-то поняли? Хорошо, мы собираемся поговорить об угаритах, и это взорвало все наши представления о ханаанском пантеоне, культуре позднего бронзового века, глобальной международной сети позднего бронзового века и т. д.

Это отодвинуло все двери и полностью изменило наше понимание этого явления, потому что до этого момента все, что у нас было, — это то, что Библия говорила о Ваале, об Ашере. Но теперь, внезапно, благодаря Угариту, мы понимаем, о, что хананеи говорили о Ваале? Что хананеи говорили об Ашере? И в чем-то что-то прояснилось, а в чем-то замутилось. Итак, это очень, очень интересные дискуссии, но они оказали важное влияние на изучение Ветхого Завета.

И все это, как я уже упоминал, будет обсуждаться через призму идеи конвергенции Уильяма Дивера. Уильям Дивер — известный американский археолог, который сейчас на пенсии. Он проводил раскопки в Гезере и во многих других местах Сирии и Палестины. Но он добился больших успехов в понимании взаимосвязи между изучением Библии и археологией, и это началось, я думаю, с 80-х годов, когда он впервые побеседовал с Шанксом в обзоре библейской археологии.

Именно здесь он действительно начал выдвигать идею о том, какова связь между этими двумя дисциплинами, потому что именно это понимал Уильям Дивер. Археология — это отдельная дисциплина от библейских исследований, но, тем не менее, в определенные моменты они будут тяготеть друг к другу, и когда такое притяжение случается, как мы это определяем? Как мы это понимаем? Ему пришла в голову эта идея в последние несколько лет конвергенции, идея о том, что библейские исследования и археология сойдутся. Я считаю, что я возьму на вооружение идею конвергенции и буду говорить о широких и узких конвергенциях.

Узкие сближения — это особые моменты, когда археологические исследования конкретно и непосредственно затрагивают, натываются или пересекаются с отрывком, местом или чем-то конкретным в нашем Ветхом Завете. И наоборот, широкие сближения будут местами, где археологические исследования будут влиять и уточнять наше понимание в более широком и общем плане. Мы поговорим о прояснении мировоззрения.

Мы собираемся поговорить о социальной структуре и подобных вещах. Как такового конкретного момента не существует, но он по-прежнему очень, очень важен для понимания всего, что всплывает под поверхностью или остается за кулисами. Итак, и я надеюсь, я надеюсь, что когда я сопоставлю узкие точки соприкосновения с широкими, вы начнете действительно понимать разницу.

Вот куда мы собираемся пойти. Вот куда мы собираемся пойти. И я с нетерпением жду следующих нескольких лекций. Я надеюсь, что ты тоже. И тогда увидимся.

Это доктор Дэвид Б. Шрайнер в своем учении «Размышления о лопате». Это сеанс 1, подготовка почвы. Добро пожаловать на курс «Размышления о лопате».